

Поэт, победитель международного литературного конкурса "Пушкин в Британии".
Работает архитектором. Живет в Ливерпуле (Англия).

* * *

молоко в пирамидках хеопса
новостроек сырых домино
носишь форму пока не порвется
и над всей этой жизнью несется
синей птицей усач-мимино

в детсадах женихи и невесты
хиппи-гуппи в домашнем сачке
полстраны - изпельменного теста
знаешь, родина - это не место
это время в твоём кулачке

на метро, на поездку в трамвае
пятак, две копейки, звонок
как будильник бесплатного рая
и раневская - фея ли? фая?
над твоей колыбелью, зевая:
"Не нервируй Начальство, сынок!"

жизнь бесценная - не дорогая
и открытый как рана – урок

* * *

часы настраивают бег, вертят заколкой.
поспел наутро новый снег. жизнь будет долгой.
прыжком с высокого крыльца, минуя норы
друзья от третьего лица закончат ссоры.

какие яркие шары, какие роли,
а для бегущей детворы насыплют соли,
не поскользнулась бы луна на льду небесном,
да, брат, такие времена – на небе тесно.

то где-то ангелы поют, то кто-то плачет,
по всяким поводам салют, а не иначе,
нерегулируемый свет – по божьей части,
еще осколки от комет – наверно, к счастью.

и в темноте растут цветы – алмазов краше,
сдвигайте стульчиков ряды – все это ваше,
сегодня дети декабреем отцов не судят.
как обещали в букваре - жизнь просто будет.

* * *

на краю ли света или строя
на границе разума и слова
не бывает мелкого героя
не бывает жалкого улова

пусть не ясно - кто закинул невод
и откуда золото в болоте -
это повод наступить на привод,
подхватить на недопетой ноте

говорить и без толку и тошно,
слава Богу, есть еще мужчины,
пусть дома остались где-то в прошлом -
рубят лес на щепки и лучины

на опилки - для кремлевских чучел?
на подстилку - вместо той соломы?
таракан вопросами замучил:
мы ль на свете самые?...
а кто мы?!

не понятно. в зеркале эпохи

ни фи́га не видно с перепуга -
то ли бесы, то ли скоморохи,
то ли просто целимся друг в друга

тянем время, словно дедка репку
и протянем - ноги или руки?
не найти ни катышка для слепка
по сусекам конченной науки

по амбарам совести и чести
(и ума девяты́е палаты)
и солдаты тараканьей мести
умножают вечность на откаты

колобки исполнены в граните,
занавес - из пластика с железом
и мораль в проверенном корыте -
не торгуйте православным лесом!

негде падать - выпавшим из строя
нас толпа - к себе приговорённых
не бывает жалкого героя
но бывает стыдно за спасённых

* * *

День как яблоко надкушен
с перерывом на обед
и червяк кому-то нужен
червоточиной побед

неожиданная горечь
словно солнца турмерик -
мэри поппинз, мерри порридж
море-мама-материк

тень услужливо любезна -
долго кланяется вслед
и тоска порой полезна -
долгий полдень, теплый плед...

ну а если солнце скрыто
что йотированный ять
снова будет нам корыто
сказку заново начать

перевернута страница
перечитана глава
вот червяк, а вот синица
мир - работа, труд - халва
май подъяблонеый - в лицах
и покой - который снится
в переводе на слова...

* * *

□□□□□□□□□□ "...и слово было - «да»."
□□□□□□□□□□ Михаил Щербаков, "Конец недели"

всё смогу - убрать посуду
пыль стереть - как память лет
устыдив саму гертруду
и простив соседку ссуду,
время - это амулет:
буду!

всё пойдет своей дорогой
пешеход и богатырь
вам налево, мне к порогу
в гости к бабушке и Богу
сердце - это нашатырь
вширь

наведу порядок в бездне,
в расписании чудес,
мысли свежие - полезны
люди светлые - любезны
жизни штапельной - отрез
и верблюды в ушко пролез
YES!

Опоздание на родину

что за жизнь! - дорога в поле, пыль, жара, присесть бы, что ли?
ах как пяточки болят! да цветочки не велят.

смотрят - холодны и страшны - васильки нездешней пашни
стертой в памяти моей,...незабудок - что гвоздей

словно эти жили-были мне к душе - приколотили.
это поле, этот взор, этот родины укор

недочитанное в детстве время роется в наследстве
молью съедено в пути...
жить - как поле обойти

* * *

непосильна моя работа - не смиряюсь и не усну,
а у кошек одна забота - расцарапывать тишину,
и у ветра - касаться темы - ненавязчиво, по пути
или кто-то оставил тени, чтобы завтра с утра найти?

или жизнь есть синоним вздоха протяженностью в пустоту,
или все хорошо и плохо уложились в одну версту,
или пушкин проехал мимо, или скоро опять зима?...
нет ни веры, ни сна, ни силы, есть лишь только одна, сама

вслед за мраморными слонами, удрученная с юных лет
между крышей и стенами потолочный включая свет,
чай заваривая нескучный, слог закручивая в вольфрам...
если плохо, то станет лучше. если лишнее - быть ворам.

украдут непокой и смуту. и останется лишь заснуть.
и не помню сменить на буду, и работу сменить на путь.

* * *

я устранюсь от внешних дел,
я платье белое надену
душицу - в чай, чернила - в мел
латунный гвоздь - в глухую стену

я дверь закрою за собой
для тайной радости подарка,
висят чабрец и зверобой
и тоже просятся в заварку

окно как будто в молоке
течет и время, и пространство
и я - не вставлена в букет
травинка - рамочка - мещанство

мне был обещан сей уют!
фрагмент оформленный в картину,
и в день сплетенный из минут
я распушу - по ниткам - спину

солёный звук роняя в чай
я буду плакать - сладко, долго:
не надо мучиться плечам
в тисках неведомого долга -

отправлен словно бандероль
он запечатан и заказан,
а у гвоздя осталась роль -
пучок травы от мух и сглаза

отсюда незачем бежать
и оставаясь - не очнуться,
пусть начинает дребезжать
метафизическое блюдо

и страсти выкипают в дым
и устилают пеплом крышу...
в Твой Дом ведут мои следы,
и я их помню, знаю, слышу

манифестка дня

и птички все отправлены в полёт
и пушкин не меняет больше позу
поэт в России больше не живёт
а если жив - то больше пишет прозу

большую прозу - словно эрмитаж
не обойти и в танке не объехать,
но разменяв по букве баш на баш
в Россию можно верить - только эхом

мне 30 +. я кажется поэт.
я далека от пушкина и славы
я - перерыв - на праздничный обед
под сервировку ядерного сплава

я дочь царя - на доменной печи
я - коромысло - на текущий счетчик
я так живу, как большинство - бежит
поэт-наладчик, не первопроходчик

и не пророк. и прозы не пишу.
и не читаю утреннюю кашу.
поэт в России - родственник пажу
расколдовать заспавшуюся Рашу

но не могу. и вряд ли научусь
на фоне тех - из бронзовых и притких
и потому за объективом - грусть.
казнь отменили. начинают пытки.

* * *

исчезли контуры и тени
весь мир - сегодня и сейчас
где сотни снежных бюллетеней
не голосующих за нас

летят-летят-летят и тают
легки, бесстрашны и нежны
как люди - изгнаны из рая
как выбор - Богу не нужны

три куплета в защиту N

в квадратных метрах - царская семья
в квадратном солнце - кухонное царство
сырой овёс, сухая конопля
там мертвой стражей встали тополя
и как-то вяло крутится Земля
и всё равно. а надо ли равняться?

как отражение в зеркале смешно
опять пшено приносит кто-то в сите
стучатся в лоб и просят: отворите
уже почти просыпалось оно
уже давным-давно не пашут в Сити
герои дня - как в кассовом кино -
и немцы с ним. и титры - на иврите.

а дальше - занавес. а может, это холст?
и папа Карло в роли Карла Маркса
и пролетарий с пачкой новых баксов
остался с носом, - деревянный ГОСТ
горит огнём у вечного солдата
и жизнь идёт, но как-то мелко, мелко,
коротконогой таксой, невпопад,
и разве Пушкин в этом виноват?

а Гончарова - разве виновата?

* * *

растворимая душа моя кофейная
вся дешевого фаянса простота
что, усталая, ты снова позатеяла
с бурым трауром осеннего листа

расплывается как нежность кубик сахара
сладкой мыслью по крупиночкам исчез,
неспроста его зовут сезоном бархатным
этот осени некроенный отрез

глуше звуки – в мягком ворсе заморожены
тише сцена - в незаглаженном плиссе
и застынет время шариком мороженым
в приготовленном по памяти глянсе

Регион У

головой долбиться в замерзшую воду устал,
а с другого конца - щекотать марсианские пятки,
и всему протяженью - короткое имя Урал,
это столько земли, что пришлось уложить ее в складки.
здесь мордовские боги растут из сыреющих пней,
здесь башкирские дети себя называют цветами,
календарь для зимы - череда укороченных дней,
ну а лето меняется с лесом и речкой местами.
словно юный Колумб перед килькой в томатном соку,
на высокой вершине застыл предзакатный Юлаев -
это время застряло когда-то на полном скаку,
наскочив на отпиленный сук и портрет николаев.
кто пришел с открывашкой, тому не убиться мечом,
но рожденный в Москве никогда не бывал на Урале,
то есть если бывал, то не понял, зачем и почему,
словно местную правду от сытых и важных скрывали.
то, что здешним волкам все пути в азиатский тамбов,
что ваяет больничное судно усердный Данила,
и буравят ущелье для трех телеграфных столбов,
а казаков выносит одна верблюдовая сила,
да и горная цепь - это вовсе не горная цепь,
это плотно заполненный камнем провал небосвода,
это остров монгольский опять побеждающий степь,
это красный свинец и магнитной руды несвобода,
та что тянет сюда непогоду с поволжских равнин,
и меняет местами конец и начало у сказки,
и покинувший эти места украинский раввин
среди ночи проснется и скажет "Рэхмэт" по-арабски.

пока вращается Земля

размыты дни - ни фокуса, ни цвета,
проставлен штамп на похоронке лета
и дождь идёт жестоко хохоча
но нет часов у времени-врача
и каждый год мы ищем как ответа
след золотой в обломках кирпича
и смертью пахнет царская парча

её старуха на кусочки режет -
листва, листовки? снова на манеже
горят костры, как шапка на попе,
след Пушкина теряется в толпе...
иные времена. а нравы - те же -
отметилась собачка на столпе
и только рифма свежая - всё реже

всё ниже солнце, всё короче годы,
длиннее лишь неистовство погоды
и глубже скука знания себя
на беспризорном поле октября
в неровном срезе глиняной породы
в поспешном слепке с кисти короля
и где пока вращается Земля

* * *

синим пламенем, красным знаменем,
да гори оно все со знанием
то ли дела, то ли безделицы
жизнь не сложится вдруг у девицы

ну и что теперь - землю ржаву
есть за ужином? за державу
быть в обиде? иль в ополчении?
сдав в химчистку на попечение

и пальто в горох, и пиджак широк
страх за будущее - порок...

* * *

я не знаю, что волнует финнов
и какой в америке кредит
на уфимской кухне дроздофила

на подгнившем яблоке сидит

мы живем зажатые тисками
внутренних испорченных часов
подпираем небо кулаками
там где с неба сыплется песок

наступил на колбу исполнитель
заиграл безудержный баян
время только прошлому целитель
ну а если в будущем изъян?

где мне знать, откуда власть и сила
в сетке непрочерченных орбит
на далекой кухне дрозofiла
засидела яблоки в кредит

так и не окончен суд Париса
но для всех смотревших спортлото
покупаем полкило ирисок
или делим яблоко на сто

и уфа в конце концов условна
как столица мира - иже с ней
всех люблю на свете поголовно
просто дома яблоки вкусней

* * *

из одиночеств сложен день
исчерпаны все темы марта
и плакать хочется, и лень
досада-мелочь-дребедень
простуды контурная карта

еще с утра казался путь
таким уверенно-пружинным -
ручьев смущающую ртуть
преодолеть - перешагнуть
и сердце гнать чуть-чуть с нажимом

всем расписаниям назло
по перекошенным орбитам...
трамваи. им не повезло
гремит их чешское стекло -
давно забыто и разбито

не повезло кондукторам
билетик счастья - в грязной луже
а рядом - в классики игра,
ворота школьного двора
скрипят навзрыд. скрипач не нужен.

о чем еще кричать грачам?
о передвижниках на стрелках?
отдали час, не хлопоча
как посещение врача
глубокий вдох. да плавать мелко.

как одержима их артель!
беспечный мир - простой и точный,
а мне - сомнений канитель
и снова пробует апрель
включать свой электрод височный

премьера

сегодня премьера - играют туш
и водкой поят коней,
столпотворение мертвых душ
в театре живых теней.
игра по лекалу, свое - своим,
спасение - сотый дубль -
как стенография эха - и
вставленный в рамку рубль.
пора именительных падежей,
столица двуглавых дней,
одна голова говорит - уже!
другая - смеется над ней.
толпа ликует, толпа спешит
отрезать земли кусок,
и внутренний номер к душе пришит,
и сажай клеймен висок,
и сердце каменное в праще,
и лошади мчатся нах,
и памятник в грустном своем плаще
на ватных стоит ногах.
он слышал оркестры в иных мирах,
в премьерах бывал не раз
и змея видал - о трех головах,
но страшно ему - сейчас.

обед в саду

в далеком далеке цветет сирень.
в тарелке, что под гречневую кашу,
на озеро молочное укажет
растянутая западная тень,

и ложка с гимнастической спиной
вылавливает солнце из обеда,
коснувшись - чуть! - стеклянного соседа,
и скатерть пахнет белым и весной,

и твердь стола не давит на ребро,
дубовый век не служит здесь упреком,
и поперек значениям и срокам
вплетаются сирень и серебро...

далеким адресатам

неверное тепло, туманный март
в нем окна строятся колодой карт
крапленные досадным конденсатом
и в воздухе не пауза - повтор
и хочется на мир смотреть в упор
и доверять далеким адресатам

мои чаинки павшие на дно
мои мечты ушедшие в кино
вам холодно в необогретом зале
и рядом сквер - вошедший в новый чин
в сырых шелках неточных величин
подверг скворцов сомнению и печали

но этот груз и впрок и по плечу
забытый день отправился к врачу
лечить часы единственным лекарством
и будет свет - похожий на ответ
и назовут туманность андромед
и четвергом, и тридевятым царством

Немного о себе

Британский архитектор, русский поэт и мама двух замечательных детишек. Живу и работаю в Англии. Приехала сюда на учебу, выиграв стипендию. Закончила с отличием Оксфорд, нашла работу, получила гражданство, а через несколько лет, работая в ливерпульском офисе архитектурного бюро, встретила Питера – тоже архитектора. Так

что, наша архитектурная семья – это результат служебного романа.

Стихи пишу с 10-ти лет, хотя поняла, что это действительно стихи, гораздо гораздо позднее.

Печаталась в журналах "Москва" и "Бельские Просторы" и в газете "Англия". В 2009-м году была признана Королевой Поэтов русского зарубежья, победив в международном турнире поэзии "Пушкин в Британии".

[Страница Натальи Максимовой на Стихи.Ру](#)

[Страница Натальи Максимовой в Живом Журнале](#)